

Вениамин Львович Фрумкин

Я в бедной семье жил, у меня папа умер, когда мне было три года. Меня направили в Московское военно-инженерное училище. В это время началась война. Училище эвакуировалось в Мензелинск, это Татарстан. Я прошел там ускоренный курс, присвоили звание лейтенанта, и было направление уже на фронт. Это было, наверное, в 41-42 году, когда я попал на Белорусский фронт. Начинал воевать под Москвой.

Участие в Восточно-Прусской операции и взятии Кёнигсберга? В Пруссии – это уже последний период войны, это уже окончание. Наступление было. В чем заключалось наступление? У военных есть такое понятие «наступление», «отступление», «окружение» - так вот, у нас было «наступление» в этот период. Мы, значит, шли вперед, освобождали, точнее уже освободили. Пруссия была уже свободна.

Я работал командиром саперной роты на фронте. И должность у меня была «полковой инженер». Что это за должность? Командир роты – в роте три взвода, каждый взвод имеет примерно тридцать человек. Каждый взвод имеет три отделения. Командир взвода – офицер, отделения – это сержанты. Командир роты может быть в звании самое большое – капитан. Полковой инженер может быть даже в звании майора. У меня не было звания ни капитана, ни майора. Старший лейтенант – последнее звание, которое я получил на фронте, когда меня послали в (инженерную) академию. А уже в академии нам присваивали звания, так же, как в частях. В академии я получил звание майора.

После академии я работал старшим военным представителем промышленности – на заводе принимали военную продукцию. Военная продукция, военная техника принималась отделом технического контроля, но мы не доверяли им полностью. Мы – это Советская армия. Это называлось «военная приемка». Мы принимали по чертежам, детально, более строго. Они старались нашу продукцию военную сделать хорошо, чтобы мы не возвращали им. Потому что, если возвращали, придется предъявлять повторно, и это нехорошо.

В Московской военно-инженерной академии я учился после войны. Я окончил войну и получил возможность поехать в академию.

У инженерных войск были такие задачи – мосты, переправы. В основном, это заграждения, минные заграждения, чтобы мины были противотанковые, чтобы танки не могли пройти. Танк наезжает на мину,

взрывается - мина разрывает гусеницу, и танк останавливается. Вообще, были и пехотные мины тоже. Пехотные мины на танк, конечно, не влияли. Для командира полка наблюдательный пункт нужно было делать.

Был один случай. Один полк ушел на отдых – был сильно потрепан, потери были. А на место этого полка пришел наш полк, занял место. И мне, как полковому инженеру, нужно было обеспечить командиру полка наблюдательный пункт, потом блиндаж для командира. Там уже был наблюдательный командный пункт. И мне сказали, что можно его найти, чтобы не делать новый, чтобы использовать то, что есть. Можно пойти по проводу – проводная связь тогда была. А в это время снег уже таял, можно было видеть в кое-каких местах этот провод. Я пошел, чтобы его увидеть, посмотреть. Я мальчишкой еще тогда был... И в одном месте я остановился и остолбенел. Я когда-то читал, что «волосы дыбом встают» – у меня действительно встали волосы дыбом – одна моя нога была в сантиметре от немецкой мины «Шпринг». «Шпринг» – это прыгающая мина. Она подпрыгивает, если кто-то наступит, и взрывается: на полтора метра поднимается, и от нее 360 шариков летят во все стороны. Еще бы сантиметр, и меня бы здесь не было, кто-нибудь другой с вами бы разговаривал.

Были и другие случаи, когда находился в одном сантиметре от смерти. Два случая у меня было. На войне я был ранен немножко. Меня особенно спасало то, что все-таки был я не в стрелковых частях, а в инженерных. Моего возраста, наверное, один-два процента осталось – в основном они погибли во время войны и от возраста.

По поводу Пруссии затрудняюсь ответить, я небольшую должность занимал. Расскажу про питание. Питание на войне хорошо было организовано. Все кушали два раза горячую пищу. Даже в местах, где обстреливали, приносили на спине специальные баки и на мотоциклах пробирались. Это очень важно было. Все солдаты всегда кушали. Что ели, не могу рассказать, я просто забыл. Помню, делали на кухнях подвижных военных кашу гречневую. Были мы не голодные. Не помню, чтобы я один день хотя бы когда-нибудь был голодный. Я был голодный только раз, когда мне пришлось ехать поездом куда-то, вот и все.

Форма простая была. Сапоги были кирзовые, не обмотки, нет, обмоток не было. Но солдаты были в кирзовых сапогах. Дополнительный паек получали. Во время наступления, например, или перед выступлениями, чтобы больше бодрости было солдатам давали водку - сто пятьдесят грамм. Для храбрости.

Я вам эпизод расскажу, военный, это мне ближе как-то. О том, как «языка» поймать. Язык на войне – это называется противник, который может рассказать что-то о своей части. А это очень интересно знать, потому что мы же воюем с этой частью. Так вот, это узнается на стороне противника.

Были траншеи, где сидел пулеметчик. Поскольку у пулеметчика свой окоп, он его не очень меняет - он сегодня стреляет из него и завтра может, и послезавтра. Это надо знать, как поймать этого пулеметчика. А поймать его таким образом – с правой стороны, и с левой стороны артиллерия наносит артиллерийские удары так, чтобы снаряды падали около траншеи, чтобы этот пулеметчик не мог ни влево, ни вправо. А саперы, в свою очередь, разрушают заграждения. Немцы часто пользовались проволочными заграждениями. Проволочные заграждения мы взорвали удлинённым зарядом. Что такое удлинённый заряд? Это тротиловые, то есть, подрывные пашки. Они укладываются на панель длиной примерно полтора-два метра. Сапер, если это зима, то в белом халате, чтобы его не видели, ползет и этот удлинённый заряд подсовывает под проволочные заграждения.

Потом ему нужно было заряд поджечь, у него было такое устройство, самое простое. В то время даже кремнем пользовались. Даже когда курили и нужен был огонь, спички не давали. Махорку давали, а вот спичек что-то не было, был кремень. И еще какой-то материал был, который не то что загорался, а начинал тлеть. Я сам не курил. Тем, кто не курил, вместо этого давали паек – печенье или что-то. Я до сих пор не курю.

Так вот, пока он зажжет бикфордов шнур, идет огонь – одна секунда – один сантиметр, чтобы его взрывом не захватило. Он обратно спокойно в свою траншею подползает, а там через некоторое время взрывается этот удлинённый заряд, взрывает проволочное заграждение, которое у немцев было. Потому что, если проволочное заграждение, уже не пройдешь.

Мины были. Щуп такой был, палка с концом, пробовали. Там, где страшно было по минному полю – нащупывали, чтобы сделать небольшой проход 10-15 метров. Этого было достаточно. А иначе взорвется все остальное. Проходы получились, и разведчики, я помню, в белых халатах в зимнее время пробегали в эту траншею, хватали этого пулеметчика и тащили к себе. Были очень довольны наши саперы и тот пулеметчик. Пулеметчик, потому что он остался живым и его не застрелили, а наши, что поймали языка, выполнили задачу. За выполнение задач награждали – медаль есть такая, солдатская «За отвагу». Для офицеров была награда другая – орден «Красной звезды». В некоторых случаях его получали и солдаты тоже. Когда поймали языка, его передают начальству или тому, кто

знает язык, чтобы все узнать. Я вам рассказал эпизод, как я его называю, «Как языка ловят, и что делают саперы в это время».

У меня три ордена: «Красной звезды», «Отечественной войны», еще какой-то и медаль «За боевые заслуги». Награды получали так. После выполнения задачи. Например, если наш сапер придан танковым войскам. Что значит, придан? Саперы сверху на танк садятся и едут. Не доезжая до немецкого минного поля, они слезают, делают проходы, и танки двигаются дальше. Могли за это сопровождение танка дать.

Вот у меня было так. Я был командир роты. Моя рота была придана танковой бригаде, которая должна была продвигаться. Что значит, придана была? Это по два-три сапера на каждый танк. Они садились и таким образом двигались. Потом где-то они проходили ползком до заграждения, делали проходы. И за это получали награды. Медали были, ордена, в ходу была медаль «За отвагу». Получилось так, что у меня командиры взвода были, я тоже написал на них, чтобы их представили к наградам. А когда я вернулся обратно, у меня начальник штаба спрашивает: «Слушай, у тебя командиры взводов к наградам представлены, получают награды, а ты?» А я, знаете что? Меня начальство представило к награде, а мне захотелось эту бумажку иметь при себе, думал похвалиться потом. Так я ее просто присвоил. А эту бумажку нужно было не себе присваивать, а отдать в свой батальон – тогда бы они меня тоже награждали. А я этого не понимал, так она у меня и осталась. И до сих пор где-то валяется. Это означало, что меня тоже должны были наградить. Командиров взводов почему-то награждали, бригаду награждали, а меня, как командира роты, нет.

Про заградительные отряды я вот что знаю. Было большое отступление, это было очень опасно. Потому что уже к Москве подходили. Сталин издал приказ № 227, чтобы ни шагу назад, что отступить нельзя. И были такие созданы подразделения, которые не разрешали отступать. Каким образом не разрешали? Они стреляли, если кто отступал. Значит, приходилось или с немцами воевать, или идти назад и быть расстрелянными. Но чтобы это очень было часто и очень много, я не знаю, я такого не слышал. Там, где я был, там не было заградительных отрядов.

Я воевал с 42 по 45. Очень страшно было. Но сейчас бывает страшнее, чем тогда. Ну, я помню, страшно было. Я возвращался откуда-то, а мою роту направили на задание – занимать немецкую траншею. Я одного солдата раздел, взял его халат, сам оделся, потому что я был без халата. И тоже с ротой пошел. Но это же нужно было в чужую, в немецкую траншею идти, конечно, это было страшновато...

Я был на переднем краю. Что такое передний край? Передним краем называлась немецкая траншея, и от нее 200 или 300 метров в такую же длину вырыта наша яма. Они в нашу сторону, а мы в их сторону смотрим, видим. Если кто-нибудь появляется – можно стрелять. Приезжали к нам женщины-саперы. Специально приезжали, чтобы побыть месяц, и потом они уезжали. А так, они тоже получали награды, но это уже было под конец войны.

Тяжелый вопрос насчет потерь. Я был в маленьком ранге, чтобы знать. В моем подразделении – да. Примерно половина людей выходила из строя. Вначале немного, а потом много, в зависимости от того, какая операция. Зависело от того, в каком месте, какой фронт. Чтобы наш полк, в котором я служил, одиннадцатый-двадцатый, чтобы он отступал или чтобы он имел большие потери – нет. Он занимал только оборону, активную оборону. Что такое активная оборона? Это когда в обороне так устроено, чтобы стрелять, чтобы уничтожить противника, чтобы его обессилить, чтобы потом было легче наступать. Это активная оборона. Это не просто сидеть, стрелять. Например, один приехал и приказал каждую ночь, чтобы пулеметчики выстреливали столько-то пуль – это не активная оборона. По-настоящему активная оборона – это когда стреляешь, уничтожаешь, обессиливаешь противника.

Например, как погиб мой старший сержант. У меня был старший сержант, я помню его фамилию, я его очень помню – Соколов. Он с Казани. Там была сопка одна, высота 222.2. Я был у одного командира, который там занимал оборону. Он бороду себе завел, сказал: «Пока я здесь сижу, у меня будет борода». А на эту сопку мне пришлось как-то посылать Соколова, и он погиб там. Потому что эта сопка с той стороны, перебрасывались гранатами буквально. С этой стороны можно было бросить гранату на ту сторону, с той стороны – на эту. А граната взорвется – может убить или ранить. Вот, Соколова убило так. Очень был боевой командир.

Я видел пленных немцев. У нас было несколько пленных немцев, их заставляли на кухне работать и прочее. Но дело в том, что, когда мы пошли в наступление, их всех расстреляли. Три-четыре немца...

Брать пленных? Мы идем в наступление. Противник отступает, пленных с его стороны мало бывает. И с нашей стороны не бывает. В основном, это в начале войны были пленные. Но про начало войны я не знаю. Вы вот думаете, что война – это сидят, потом пошли? Нет, это заранее готовится. Каким образом? И артиллерийская подготовка есть, и авиационная подготовка, и танки. Вначале авиация бомбит всю местность, потом артиллерия бомбит место, где противник расположен, потом танки

уже идут, враг обессиленный уходит. В двух-трех местах наш полк был, там не было немцев уже. То он стоял перед нами, то уже не было. Мы поймали разведчика, какого-то языка, узнаем, что такой-то полк ушел вперед.

Радостных и веселых моментов, честное слово, я не помню. Это зависло от командира. Он пригласил из какой-то дорожной роты (это женская рота) девушек к нам в гости, они сбрасывали свою военную одежду, одевали женскую одежду и танцевали с нашими ребятами. Ну, там несколько было, не так много.

О начале войны как мы узнали? «Вероломно, без объявления войны начали наступление гитлеровские войска»... Я был в это время еще в Москве в Московском инженерном училище, и самолеты немецкие бомбили Москву, и около нас сыпались осколки. Потому что наши зенитки стреляли, и осколки падали сверху. Вот это начало войны для меня. А потом эвакуировались – переехало училище – в Татарстан, в город Мензелинск. Там доучивались. Я получил звание и направление на войну.

Как мои друзья отреагировали на сообщение о начале войны? Мои друзья были курсантами военно-инженерного училища. Мы узнали, потому что тревога была, самолеты летели, мы где-то прятались. И я такой же был. Испуга не было. Во время войны вообще не думали, что есть испуг. Больше боялись за то, чтобы сохранить себя. Некогда было пугаться. Я вот сейчас думаю, что у меня сейчас бывают моменты, когда я больше испуган, чем когда был на войне...

Про конец войны узнали по радио. И вот какой интересный момент получается. Все стреляли. Вот, полк узнал по рации, что конец войны. Все, у кого было оружие, начали стрелять в воздух. Сплошная стрельба была, как будто кто-то команду давал. Все были довольны. Для меня война закончилась в Пруссии – Растенбург и Истербрук. Немецко-пруссские города. Растенбург и Истербрук. Потом мы по этим городам проходили.

Как немецкое население относилось к российским солдатам? Мне не приходилось с этим встречаться. Я знаю один нехороший случай, когда наши одного немца-старика расстреляли - у него был знак фашистский. А с их стороны я не знаю.

Я знаю, когда мы шли на направление «Кёнигсберг», наши предложили населению, чтобы оно из города ушло, потому что он будет сильно обстрелян. И немецкое командование разрешило гражданским людям оставить Кёнигсберг. Помню, наши солдаты шли туда, а они – оттуда. Женщины... Что интересно, никто из наших солдат не обидел какую-нибудь женщину. Шли прямо толпой – Кёнигсберг большой город.

Это большая масса, колонна, толпа шла. Но наши солдаты – никто... А ведь могли вспомнить «а, вот, убили моего отца, моего брата, я отомщу».

Мои солдаты плохо к врагу относились, потому что чувствовали, что воюют за правое дело. Поэтому они и воюют, поэтому жизнь свою иногда отдают. Чувствовали правое дело. Советская идея была на очень высоком месте, не как сейчас. Тогда такая была пропаганда, такое воспитание, что мы до коммунизма идем, что нам мешают. Мы впереди, мы честные, а все другие – нехорошие. Война – нехорошая с обеих сторон. А в то время наши считали, что они правы. А немцы, наверное, считали, что они правы.

Мне не приходилось видеть, что немцы делали на оккупированных территориях. В деревнях я не был, не мог этого видеть. Я был в войсках, а там, где войска, население всегда эвакуировалось. Там, где мы были, населения не было – оно убегало.

Плохо говорю, плохо уже, может быть, вспоминаю... Может, не художественно, но правда – она такая. Я остался в живых тоже случайно, потому что моего года уже все погибли. Нет уже людей. Под конец неправду уже не хочу.

С другими ветеранами общаюсь. Собрания проводят – они все старенькие... Я из молодых. Я с 42 начал войну, а другие начали войну с 44. Они моложе меня на 4 года. Старше уже нету...

Интервью подготовлено учениками и учителями

Русской школы Грамота.

г. Монреаль, 2015 г.

